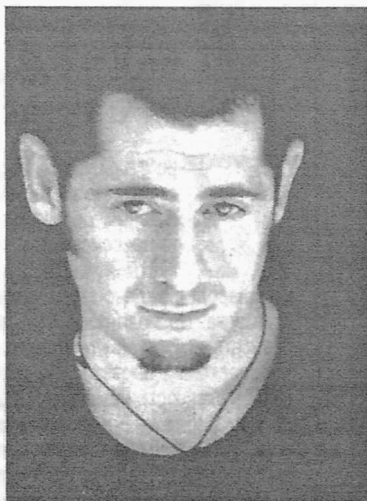

ПУТЕШЕСТВИЕ МАМЗЕЛЬ НОЖ И ОРФЕЯ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

Оливье Пи.

Кажется, что в театральной жизни Москвы происходит только одно событие — Чеховский театральный фестиваль.

Театр "Л'Энконвьян де Бутюр" из Франции привез в Москву два спектакля — "Кабаре мисс Найф" и "Лицо Орфея" (оба были показаны на Авиньонском фестивале).

Первым, "для разогрева", московской публике было представлено "Кабаре". К спектаклю прилагались самые настоящие столики с самыми настоящими угощениями и крепкими (!) спиртными напитками. Уже одного этого было достаточно, чтобы москвичи прониклись к Оливье Пи — молодой звезде французского театра, актеру и режиссеру, особым теплым чувством. Ну а уж когда начался спектакль... Все смеялись, хлопали в ладоши и пели — правда, каждый о своем. "Поющий балаганчик мамзель Нож" в заснеженном театре Российской Армии — это французские песни, которых "теперь нигде уж не услы-

шишь". Грустные клоуны-маски исполняют вместе с пародиями на дорожку сердцу французов шансон еще и куплеты, от которых на глаза набегают ностальгическая слеза. Представляется, что столики кабаре стоят не в темном зале, а на Елисейских полях, когда сгущаются сумерки.

Один из самых интересных и значительных режиссеров нового французского театра, изучавший филологию, богословие и классическую музыку, О.Пи открыл для себя "маскарадный" театр-кабаре в 1996 году, представив на Авиньонском фестивале первый вариант попури из песен и пародий "Мамзель Нож и ее поющий балаганчик". С тех пор он "регулярно с наслаждением облачается в платье берлинской певички, которую неукрепимо тянет на безвкусицу" (Рене Солис, "Либерасьон").

Сам Оливье Пи в роли мамзель Нож подкупает обаянием, детской непосредственностью, подлинно женским восторгом от фантастических платьев из воздушного шифона, парчи и перьев. Вот он исполняет арию Кармен с огромной розой в волосах — и возникающий образ перекликается с образами из трагедийных кабаре Альмодовара, вот он в паре с Мишелем Фо (черно-белые костюмы и наведенные углем глаза) соединяет в танце распиленное бумажное сердце — возникает ассоциация с кабаре Боба Фосса. В финале слышущий бунтарем Пи появляется почти в полном неглиже — и побеждает. Только театральный фотограф Гутерман расстроен: "Все ждал, — говорит, — Оливье Пи, а он, оказывается, уже пять раз выходил. Кто ж знал, что это не женщина".

Группа "Л'Энконвьян де Бутюр" существует уже 10 лет. Оливье Пи пишет пьесы, ставит их и в них же играет. Настоящее признание принес ему

Авиньонский фестиваль 1995 года, где три вечера подряд игрался его многочасовой спектакль "Служанка". После шумного успеха директор фестиваля Бернар Февр д'Арсье заказал молодому автору новую работу для Почетного двора Папского дворца. Так в 1997 году возник спектакль "Лицо Орфея".

"Лицо Орфея" — это рассказ об Орфее, оказавшемся в нашем времени. Путешествие начинается в ателье скульптора, автора гипсового Орфея. Оживший герой отправляется в путь — уже по нашему, странному и почти нереальному миру, наблюдая непонятные ему обычаи этой жизни, обрastaя все новыми и новыми попутчиками. "Ты открыл песенный завет", — говорят ему, "Я только передал неосторожный сон", — возражает он.

Но, увы, московские зрители не смогли вполне оценить эту постановку. "Лицо Орфея" — спектакль, в большей мере построенный на тексте, слове. Главное здесь — сам язык, и это подчеркивают рецензенты.

"Оливье Пи воскрешает эту эпопею с помощью насыщенного, образного языка, дивным образом игнорирующего понятия сдержанности и славящего необузданность. При этом автор, умеющий все обращать в поэзию, порой не избегает ни юмора (спасительного), ни снисходительности..." ("Марсельеза").

Строка перевода, бегущая по краю сцены, не восполняет слова произнесенного, отвлекая от действия. Вспоминая игравшую на этой огромной сцене "Орестею" Петра Штайна, можно сказать, что античные трагедии чувствуют себя в театре Российской Армии "в своей тарелке".

ЕЛЕНА ГОЛОВАНОВА

Москва